

ПРИМЕЧАНИЯ

В данной статье использованы документы и материалы Государственного архива Ярославской области:

1. Дело по прошению Совета епархиального женского училища об утверждении проекта нового здания больницы и церкви при Ионафановском епархиальном женском училище. Ф. 80. Оп. 1. № 732.
2. Дело по прошению Совета епархиального женского училища об утверждении проекта здания звонницы и подсобных помещений при Ионафановском епархиальном женском училище. Ф. 80. Оп. 1. № 990.
3. Дело по прошению Совета епархиального женского училища об утверждении проекта нового спального корпуса воспитанниц при Ионафановском епархиальном женском училище. Ф. 80. Оп. 1. № 2349.

Ю. И. Майоров

ФОНТЕНЕЛЬ И ЕГО «РАЗГОВОРЫ О МНОЖЕСТВЕ МИРОВ»

В отделе редких книг фундаментальной библиотеки хранится очень редкое издание первой половины XVIII века, которое через пятнадцать лет после выхода из печати было запрещено церковью к распространению, отбиралось у владельцев и уничтожалось. Это книга «Разговоры о множестве миров» секретаря французской академии Фонтенеля. В ней в общедоступной форме трактуется вопрос о строении Вселенной в духе учения Коперника.

До Коперника всеми астрономами принималась Птолемеяевская система мира, согласно которой в центре вселенной находится Земля, а вокруг нее вращаются Луна, планеты, Солнце и звезды. Коперник первым показал, что все видимые движения небесных светил объясняются проще, если предположить, что центральным светилом является неподвижное Солнце, вокруг которого вращаются все планеты, в том числе и Земля со своим

спутником Луной, и что, таким образом, Земля есть не что иное, как планета.

С этого времени, то есть с XVI века, между сторонниками и противниками учения Коперника завязалась борьба, в которую не замедлило вмешаться духовенство. В России влияние церкви особенно усилилось в конце царствования Елизаветы Петровны, что объясняется отчасти личной набожностью императрицы. К духовенству Елизавета благоволила и была очень склонна выслушивать его наветы.

Одним из объектов запрещения церкви послужила книга Фонтенеля. В 1756 году вышло постановление синода, в котором говорилось: «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами несогласном, под жесточайшем за преступление наказанием, не отваживался, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную... князем Кантемиром... указать везде отобрать и прислать в Синод» [5. С. 313]

Точно неизвестно, у кого и сколько экземпляров книги Фонтенеля было отобрано и отправлено в печь или в размол на бумажную мельницу. В настоящее время сохранилось всего несколько экземпляров, хранящихся в крупнейших библиотеках страны.

Экземпляр книги Фонтенеля из фундаментальной библиотеки заключен в цельнокожаный переплет темно-коричневого цвета, имеющий повреждения на корешке и задней крышке, многие листы книги потрепаны; это говорит о том, что ее в свое время много читали. В книге имеется несколько записей на внутренней стороне переплета и титульном листе, относящихся к XVIII и XIX векам. Из них можно выделить следующие: «Куплена царствующем граде Санкте Петербурхе. Дано 50 рублей, за переплет 25 / 1742 года Генваря 23 дня», к сожалению, ни своего имени, ни фамилии один из первых владельцев книги не оставил.

Другая запись: «Поднесена императрице Анне Ионовне». Что означает эта запись, установить не удалось, но можно сделать предположение, что один из экземпляров «Разговоров о множестве миров» был преподнесен императрице, о чем и была сделана запись в книге. На титульном листе есть запись: «Из книг Павла Скоробогатова».

Рис. 1. Фонтенель (1657-1757) — популяризатор учения Коперника

Книга поступила в библиотеку в начале 20-х годов. В инвентаре она записана среди книг (свыше 200 названий), приобретенных по счету Поливанова, к сожалению, инициалы не указаны. В университете в 20-е годы на педагогическом факультете работал профессор Михаил Петрович Поливанов, философ по специальности. Он окончил исторический факультет МГУ в 1904 году и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. С 1915 года — магистр и приват-доцент МГУ, с 1918 года — профессор Ярославского университета. В то время в университете работало много преподавателей из Москвы, библиотека у некоторых из них покупала книги, о чем есть соответствующие записи в инвентаре. Вполне возможно, что экземпляр «Разговоров о множестве миров», хранящийся в библиотеке, был приобретен у Михаила Петровича Поливанова.

Книги, как и люди, имеют свою судьбу. Как часто из множества книг и статей, вышедших из-под пера какого-нибудь писателя или ученого в течение долгой его жизни, сохраняется для потомства всего лишь одна книга, и не будь ее, имя автора было бы совершенно неизвестно. Такова участь и Фонтенеля, известного лишь благодаря небольшой, но давно прославленной книге «Разговоры о множестве миров» (*Entretiens sur la pluralité des*

mondes. Paris, 1686), первой популярной работе по астрономии, родоначальнице богатой теперь научно-познавательной астрономической литературы.

Бернар Ле Бувье Фонтенель (рис. 1) родился 11 февраля 1657 года в Руане в семье адвоката, по матери был племянником знаменитого Корнеля, великого французского драматурга. Получив образование под руководством иезуитов, он сначала избрал юридическую карьеру, но после первой же неудачи отказался от нее и обратился к литературной деятельности: писал сонеты, выступал как автор драматических произведений. Эти первые литературные опыты были, однако, неудачны, и молодому автору долго пришлось добиваться писательской известности. Он менял темы и свою литературную манеру, брался за разные сюжеты, в том числе и за художественную популяризацию философских и естественно-научных идей. В конце концов он добился признания и в 1691 году был избран за свои литературные заслуги в члены французской академии, с которой была связана вся дальнейшая судьба писателя.

Фонтенель носил звание академика ни много ни мало как 66 лет, причем свыше 40 лет был непререкаемым секретарем академии. В июне 1717 года, при посещении академии Петром I, Фонтенель играл немалую роль в устроенном московскому гостю торжественном приеме, а в 1718 году известил Петра I об избрании его в число членов французской академии.

Немного не дожив до 100 лет, Фонтенель застал на закате своих дней совершенно иную эпоху, по сравнению с условиями, при которых началась его деятельность. Во времена его юности нельзя было еще полным голосом говорить о системе Коперника, еще было свежо в памяти осуждение Галилея. К его старости расцвело буржуазное просвещение XVIII в., провозвестником которого был сам Фонтенель.

Убежденный поклонник Декарта и его теории вихрей, скептик, считавший, что все истины требуют проверки и солидных доказательств, Фонтенель был более чем холоден к религии и всему, что с ней связано, вряд ли даже верил в бога, отрицал все чудесное и сверхъестественное и в своих произведениях под видом критики языческих религиозных верований постоянно нападал на католицизм.

Рис. 2. Антиох Кантемир (1709-1744) — переводчик астрономического сочинения Фонтенеля

Фонтенель обладал счастливой способностью обо всем говорить легко, изящно и с предельной ясностью. Это умение Фонтенеля с особой силой проявилось в его произведениях, посвященных популяризации научных идей, и в первую очередь в «Разговорах о множестве миров». Он выпустил эту книгу в 1686 году, будучи 29 лет от роду, и сразу завоевал себе восхищенную аудиторию, привлекая ее не только доступностью изложения трудных вопросов, но и чисто французской живостью, легкостью и остроумием, с каким автор справляется со своей необычной для литератора темой.

Надо сказать, что, взявшись за общедоступное изложение идей Коперника и Декарта, Фонтенель вполне отдавал себе отчет в трудностях подобной работы, тем более, что он не имел здесь предшественников. Автор боялся, как бы ему не написать такую книгу, которая для ученых будет не нужна, потому что им нельзя будет ничему из нее научиться, а прочим людям — не годна, потому что они не захотят по ней учиться. Фонтенель не только увидел эти опасности, но и сумел счастливо избежать крайностей. Работа его представляет в своем роде классический образец популярного изложения, рав-

ного которому, пожалуй, не было на всем протяжении XVIII века.

«Разговоры о множестве миров» были переведены на многие языки, в том числе и на русский. Ее русский переводчик по талантливости не уступал Фонтенелю и отлично справился со своей задачей. Это был знаменитый сатирик Антиох Кантемир, в ту пору еще совсем зеленый юноша, приступавший к своим литературным опытам.

Антиох Дмитриевич Кантемир (рис. 2) родился в Константинополе 10 сентября 1708 года. Отец его был владетельным молдавским князем (господарем) и служил турецкому правительству. Во время прусского похода Петра I Дмитрий Кантемир перешел на сторону русских. После поражений русской армии на Пруте турки потребовали выдачи Кантемира, и ему пришлось со всей семьей бежать в Россию. Здесь он расстался со своей бородой и полуазиатским платьем и занял видное положение среди новой русской знати. Его младший сын, будущий сатирик, учился сначала в Москве, в Славяно-греко-латинской академии, а затем в Петербурге, где близость только что открытой Академии Наук дала ему выдающихся наставников. Таким образом, он обучался физике у Бильфингера, математике у Бернулли, гуманитарным наукам у филолога Байера, философии у Гросса. Юноша обнаружил раннее развитие и блестящие дарования, удивлявшие его учителей.

Двадцати лет от роду Кантемир уже написал свою знаменитую первую сатиру. В то же время он увлекся астрономической книжкой Фонтенеля и засел за ее перевод. Возможно, что здесь сказалось влияние его наставника, академика Бернулли. Закончив перевод в 1730 году, Кантемир захотел видеть его напечатанным и решил прибегнуть к посредничеству Академии Наук. Для этой цели он обратился к своему наставнику — академику Гроссу, который с 1728 года жил в Москве в качестве домашнего учителя в доме влиятельнейшего сановника — Андрея Остермана. В силу своего положения Гросс пользовался большим уважением в глазах Шумахера, через руки которого проходили все издания Академии. Осенью 1731 года Гросс пишет Шумахеру письмо, где предлагает рукопись Кантемира к изданию. Шумахер ответил 30 сентября 1731 года следующим образом: «Если князю Кантемиру будет угодно переслать мне свой перевод книги Фонтенеля *De la pluralité des mondes*, то я тотчас же озабочусь о печатании. Только я бы предварительно желал знать, одобрил ли это его графское сиятельство (граф Остерман), а также его преосвященство архиепископ (Феофан Прокопович), потому что книга такого содержания, что её нель-

зя печатать без министерского разрешения» [2. С. 215].

Таким образом, Шумахер потребовал для книги двойной цензуры — духовной и светской да еще в лице высших сановников империи, в результате чего издание затормозилось. Тем временем Кантемир получил служебное назначение за границу и в 1732 году уехал в Лондон в качестве русского резидента. Рукопись осталась лежать у Гросса и пролежала целых семь лет, пока Кантемир снова не поднял вопроса о своем детище.

Рис. 3. Титульный лист первого русского издания сочинений Фонтенелла, переведенный Кантемиром, хранящийся в фундаментальной библиотеке

Пришлось обратиться к тому же Шумахеру, которому Гросс и передал, по просьбе автора, рукопись перевода. Но Шумахер выдвинул новое возражение, на этот раз против заглавия перевода, которое могло смутить благочестивых людей. Сохранилось письмо Кантемира из Лондона от 7 июля 1738 года, где он пишет Шумахеру, что согласен изменить заглавие и предлагает вместо «Разговоры о множестве миров» такое заглавие: «Разговоры астрономические, в которых той науки нужнейшие знания кратко и разуминительно к общества понятию изъяснены».

Однако Шумахер отверг предлагаемую редакцию, конечно, потому, что она еще менее удобна в цензурном отношении, так как популяризирует содержание книги, раскрывает ее значение да еще содержит упоминание об «обществе». Рукопись опять осталась лежать и появилась в печати только в 1740 году, за четыре года до смерти Кантемира. Уехав за границу, сатирик уже не возвращался более на свою вторую родину. До 1738 года он служил в Англии, а затем был переведен во Францию и жил в Париже в звании русского посланника. В 1740 году, в год появления своей книги, он тяжело заболел, безуспешно лечился несколько лет и умер от водянки 11 апреля 1744 года.

Перевод Кантемира носит следующее заглавие: «Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году. Спб. 1740» (рис. 3). Далее следует посвящение: «Знаменитейшей императорской академии наук Санкт-Петербургской под покровом и чрез великодушие Анны Иоанновны августейшия императрицы к преумножению ея величества славы к пользе пространная России и всего человеческого рода цветущей в знак своего благодарства за полученное от ея мудрых членов воспитание и наставление сей перевод усердно приносит и посвящает князь Антиох Кантемир».

В предисловии переводчик повторяет, что он появлением этой книги «чаял нашему народу некую услугу показать, переводом ея на Русский язык». Такая установка очень характерна. Перед нами — произведение, которое адресуется самому широкому кругу читателей. И, действительно, Кантемир сделал все, чтобы придать своему переводу общедоступный характер. На этом пути перед ним лежало немало трудностей. Научно-литературный язык был в то время еще совершенно не выработан, не доставало слов для обозначения многих понятий, и Кантемиру пришлось составлять их заново.

Некоторые придуманные им речения удержались до нашего времени, например, «начало», «понятие» (в смысле идеи), «сосредоточение», «наблюдение», «плотность» и т.д. Другие оказались менее живучими и вышли из употребления, например, «предразсуждение» (в смысле — предвзятое мнение), «имагинация» (воображение), «звездозаконие» (астрономия), «словесница» (логика), «естественница» (физика), «преестественница» (метафизика) и т. д.

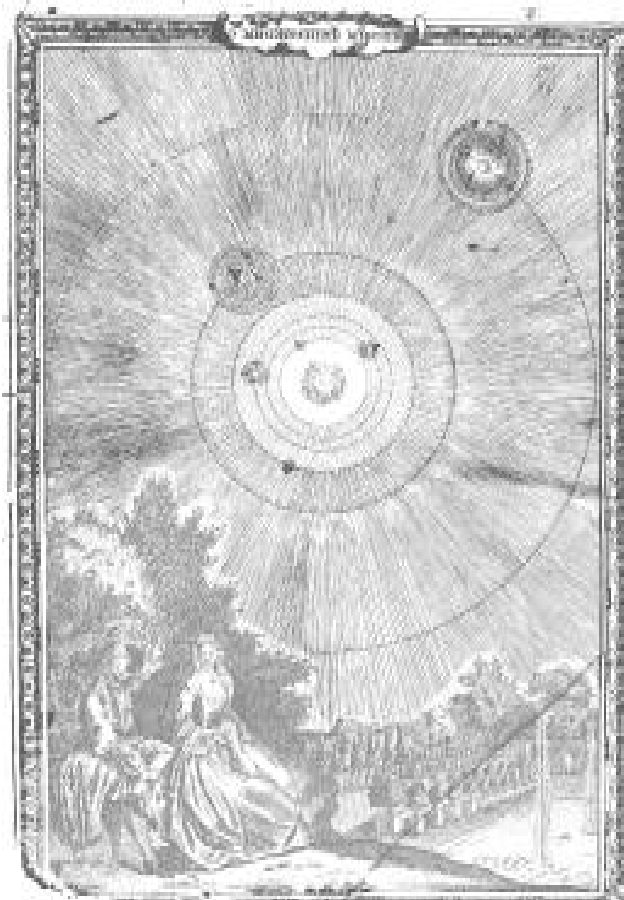

Рис. 4. Фронтиспис русского издания книги Фонтенеля (Автор объясняет своей собеседнице движение небесных тел)

Тогдашний читатель нуждался в объяснении самых обыкновенных сейчас слов, и автору пришлось растолковывать в примечаниях такие слова, как «машина», «опера», «театр», «экземпляр», «герой», «климат», «система», «материя», «карта» и т. д.

В общем Кантемир превосходно справился с поставленной задачей. Его перевод явился для своего времени важным литературным событием и сыграл существенную роль также в деле развития нашего философского языка, положив начало русской научно-популярной литературе.

Обратимся теперь к содержанию этой знаменитой книги. Желая придать своему повествованию больше живости, автор прибег к приему, известному со времен античной древности, а именно построил книгу в форме диалога. Живая и остроумная маркиза, неглупая от природы, но несведущая в науках, беседует вечерами в своем деревенском уединении с приезжим гостем об устройстве Вселенной, поэтому главы книги и назва-

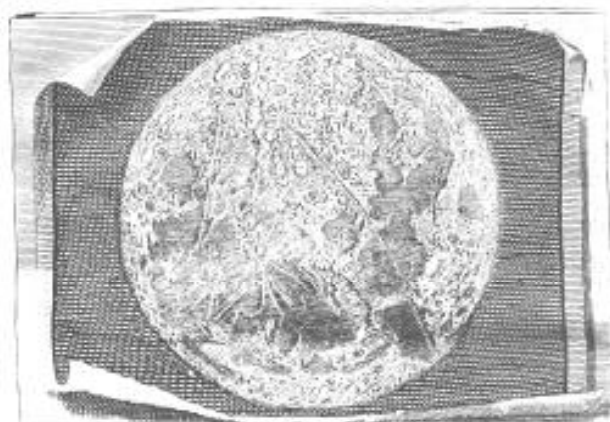
ны «вечерами». Таких вечеров всего шесть. В первом доказывается, что Земля есть планета, которая вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца. Во втором и третьем вечере речь идет о Луне как спутнике Земли. В четвертом — описываются особенности Венеры, Меркурия, Юпитера, Марса и Сатурна. В пятом — доказывается, что неподвижные звезды суть солнца, имеющие свои планетные системы, причем здесь излагается вихревая гипотеза Декарта. Наконец, шестой вечер дает дополнительные сведения к предыдущим пяти главам.

Таким образом, перед нами довольно обширный курс астрономии, изложенный на философской подкладке и написанный живым и остроумным языком, со множеством экскурсов в литературу, историю и т. д.

Первая глава (рис. 4) начинается с того, что маркиза и ее гость после ужина отправляются в «зверинец прохаживаться». Был чудный лунный вечер, не было ни одного облачка, золотые звезды восхитительно сияли на вечернем небе. Под влиянием этого зрелища гость впадает в возвышенное настроение и заводит разговор о сравнительных красотах дня и ночи. День он сравнивает с белокурой красавицей, а ночь — с черноволосой. Возникает остроумная беседа, где обе стороны обмениваются любезностями. Говоря о звездах, молодой человек роняет слова: «небесные миры». Маркиза просит объяснить ей это непонятное выражение. Гость долго отнекивается от серьезной беседы, говоря, что эта материя не так интересна, как комедии Мольера, да, наконец, смешно для мужчины рассуждать в десятом часу вечера наедине с прелестной женщиной о философии. Но маркиза настаивает на своем, и гость покоряется, взяв с нее предварительно слово, что она будет держать эту ночную беседу в секрете от насмешников.

Такова подготовка, рассчитанная на возбуждение любопытства читателя. Затем наш герой приступает к просвещению своей собеседницы, правильно рассудив, что начать придется издали, так как маркиза не имеет никакого понятия о науке и ее методах. И он начинает с остроумного экскурса в философию познания. «Вся философия основана на двух вещах, то есть на том, что

имеем дух любопытный, да глаза худыя: понеже естли бы ты имела глаза лучшия, нежели како-вы имеешь, могла бы узнать, всякая ли звезда солнце, которое другому миру светит, или нет; также естли бы ты была не столь любопытна, мало бы печалилася и знать о том, что на то же бы навело; но та беда, хочется нам больше знать, нежели что видеть можем, в том то трудность. К тому ж естли бы мы все то, что видим совершенно видели; то уже знали бы, да лихо мы все инак видим, нежели в самом деле есть. И потому истинные философы провождают жизнь свою не доверяя тому что видят, и трудятся угадать то, чего не видят, и таковое жития состояние мне кажется не очень завидно» [С. 9-10].

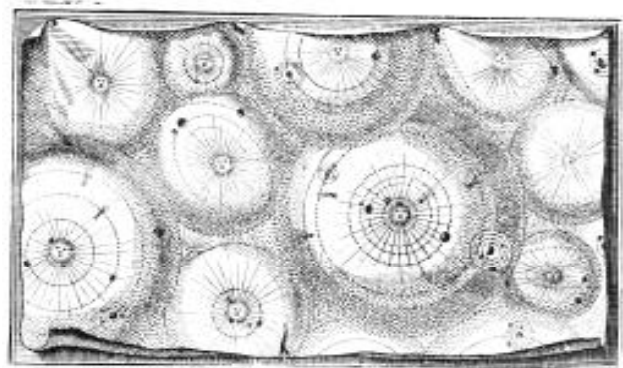

ВЕЧЕРЬ ВТОРЫИ
въ которомъ доказывается, что луна есть
земля обитанна.

Рис. 5. Заставка к главе второй с изображением карты Луны

Далее автор описывает строение солнечной системы: «Солнце есть в средней точке мира, и там оно неподвижно пребывает. За ним что следует? — Меркурии, ответственвал я, которой таким образом около солнца ворочается, что солнце есть в средней точке круга, котораго Меркурий описывает. По выше Меркурия есть Венус, которая подобно около солнца ворочается. Потом следует Земля, которая будучи выше Меркурия и Венуса, описует около солнца круг большеи, нежели суть те, которых описуют сии две планеты. Напоследок следуют Марс, Юпитер и Сатурн, в таком порядке, как я их тебе сказываю, и ты видишь, что Сатурн должен описывать около солнца круг большеи, нежели все другия

планеты; и потому он больше времени требует, нежели другия планеты, для совершения своего течения. А Луна, говорит она, что ты ее забываешь? Вспомню и ея, сказал я, обращается она около земли, и не отстаёт от нея, а что около солнца течет, то только для того делает, чтоб от Земли не отстать. Ну, теперь уже выразумела, ответствовала она и люблю Луну, что при нас осталась, когда прочие планеты нас оставили (рис.5) [С. 25-26].

ВЕЧЕРЬ ПЯТЫИ
въ которомъ доказывается
что звёзды неподвижны суть солнца,
къ которымъ
всякое цѣлому миру свѣтъ.

Рис. 6. Заставка к главе пятой с изображением схемы Вселенной согласно вихревой гипотезе Декарта

Немало места отводит Фонтенель и вопросу об обитаемости миров. Он горячий защитник идеи о том, что Земля не может представлять в этом отношении единственного исключения среди множества тел Вселенной и что живые существа есть и на других планетах. Однако, не желая переступить грани научной достоверности, он остерегается строить предположения о наружности и нравах этих существ и отделяется более или менее удачными шутками на эту тему.

Перевод книги Фонтенеля, как уже говорилось, имел огромное значение для русского общества и составил своего рода литературное событие, потому что выводы ее коренным образом противоречили астрономическим представлениям русского общества, полным еще суеверия и нелепых рассказов. Опубликование книги вызвало также со стороны светских и духовных фанатиков злобные толки и обвинения в безбожии как автора, так и переводчика книги. Директор петербургской типографии Аврамов немедленно сочинил на нее обширный донос, где, ужасаясь и негодуя, указывал, что

подобные книги не только противоречат священному писанию, но являются чисто безбожными.

Эта кампания успехом не увенчалась, и книга получила распространение. Посвящение ее Академии Наук сыграло в этом деле немалую роль и охраняло ее от запрещения.

В течение XVIII века перевод Кантемира вышел тремя изданиями, а в 1802 году был сделан хорошим литературным языком новый перевод книги Фонтенеля, принадлежащий княгине Анне Трубецкой, с посвящением Александру 1. Как видно, даже в 20-х годах XIX века Фонтенель был еще настолько популярен, что Пушкин включил его в число авторов, прочитанных Евгением Онегиным, когда тот захандрил после неудачного объяснения с Татьяной:

Прочел скептического Бея,
Прочел творенья Фонтенела,
Прочел из наших кой-кого...

Такова история этой интересной книги, и, быть может, даже в настоящее время имело бы смысл

предложить современному читателю новый тщательный перевод этой классического в своем роде произведения как образец популярного и художественного изложения одного из интереснейших астрономо-философских вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А.В. Фонтенель и его «Разговоры о множестве миров» // *Природа*. 1936. № 4.
2. Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб, 1870.
3. Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.-Л.: Академия наук СССР, 1959.
4. Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.-Л.: Академия наук СССР, 1947.
5. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725-1800. Т. III, Р-Я. М.: Изд-во Книга, 1966.